

О ПЛАНАХ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО ЧИГИРИНСКОГО ПОХОДА 1677 ГОДА

М. Р. Яфарова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 25 апреля 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена разработке Московским правительством плана военных действий против османов во время первого Чигиринского похода. Автор рассматривает его основные положения и степень реализации во время непосредственного русско-османского столкновения в 1677 г.*

Ключевые слова: *Чигиринские походы 1677–1678 гг., русско-турецкая война 1672–1681 гг., XVII век, военная история.*

Abstract: *the article considers the Muscovy military plans in the Chigirin campaign of 1677, its key points and further realization are discussed.*

Key words: *Chigirin campaign 1677–1678, Russian-Ottoman war 1672–1681, seventeenth century, military history.*

1677 год стал датой первого открытого военного столкновения между русской армией и османскими войсками.

Осенью 1676 г. правобережный гетман П. Дорошенко, перешедший в подданство Османской империи в 1669 г., капитулировал перед войсками Г. Г. Ромодановского и И. Самойловича и, сложив с себя гетманские клейноды, присягнул на верность московскому царю. Основной целью Порты, которая после окончания Кандийской войны предпринимает попытку укрепить и расширить свои позиции в восточноевропейском регионе¹, становится возвращение утраченных областей, находившихся под властью П. Дорошенко [1, с. 126]. При этом ее успешное достижение ставило под угрозу не только Киев, но и всю Левобережную Украину [1, с. 109–110; 2, с. 219].

События Чигиринского похода 1677 г. неоднократно описывались в литературе [4–11; 12, с. 378–380] преимущественно по данным Разрядного и Малороссийского приказов и некоторых опубликованных источников [13–18]. Главное внимание при этом уделялось осаде Чигиринской крепости и самим военным действиям, однако одним из спорных вопросов на данный момент остается оценка деятельнос-

ти русско-украинского командования и дислокация войск к Чигирину. Исследователи по-разному объясняют причины, по которым русско-украинские войска подошли к Днепру только 24–25 августа, в то время как первые османские разведки появились под Чигирином уже 30 июля [13, № 78, стб. 287; 19, л. 354]. Так, Н. А. Смирнов считает, что прежде всего такое развитие событий связано с тем, что Москва стремилась максимально централизовать управление боевыми действиями; не последнюю роль играли и местнические споры среди военачальников [10, с. 137–138]. По мнению Н. И. Косиненко и П. В. Седова, причина такой задержки проистекала из самого состояния российских войск и невозможности ведения активной наступательной войны [6, с. 42; 9, с. 290]. В целом большинство исследователей сходятся во мнении, что русско-украинские войска действовали во время первого похода медленно и нерасторопно [7, с. 166 и далее].

Между тем имеется комплекс источников, позволяющий рассмотреть вопрос о том, как видело цели, план и ход этой военной кампании русское командование. Его наличие связано прежде всего с тем, что в Москве важные военные и политические решения старались принимать по согласованию с гетманом И. Самойловичем, активное участие которого было необходимым условием успеха. Изучение этого вопроса позволит увидеть логику действий русской стороны и по-новому оценить события данной военной кампании.

Для Московского государства османская армия представляла собой нового противника, в то время как в 1672–1676 гг. силу османского оружия снова испытало на себе Польское королевство. После ус-

¹ В 1672 г. Порте удалось провести быструю и успешную военную кампанию против Речи Посполитой, закончившуюся заключением 18 октября 1672 г. Бучачского мирного договора, по которому был признан вассалитет османов над Киевщиной и Брацлавщиной, а Подолия с центром в Каменце вошла в состав Османской империи, образовав Каменец-Подольский эйялет (Об этом см. подробнее: [3]). По Журавенскому мирному договору 17 октября 1676 г. данные территории остались за османами, исключая Белую Церковь.

пешной военной кампании Порты против Речи Посполитой в 1672 г. и заключения Бучачского мирного договора польским войскам удалось одержать несколько отдельных побед над турками [20]. В частности, под командованием коронного гетмана Яна Собеского Польско-литовское государство сумело 11 ноября 1673 г. совместно с казацкими отрядами М. Ханенко и перешедшими на польскую сторону молдавскими отрядами разбить 35-тысячный корпус Хусейн-паши [21, с. 25]. Уцелевшие османские войска, в том числе и находившиеся в Молдавии, отступили за Дунай.

Таким образом, вполне объяснимо, что русское правительство живо интересовалось польским военным опытом. Свидетельства такого интереса мы находим, в частности, в донесениях русского резидента в Варшаве В. Тяпкина. В беседе 31 июля 1674 г. коронный подканцлер А. Ольшевский рассказывал ему о польской стратегии следующее: «прошлой осени его королевское величество, гетманом будучи, учинил – не сходил на бой до самой груди и зимности потому, что турки сами и лошади и верблюды зело нужны и в ту пору жестоки битца, пока тепло бывает, то есть в августе и сентябре месяцах. А как стужа и груды настанет, <...> поганцы в ту пору ослабеют сами, и кони их худы будут» [22, лл. 363 об. – 364].

Похожий разговор состоялся у В. Тяпкина и с литовским гетманом М. Пацем 2 сентября 1674 г. М. Пац считал, что для того чтобы добиться успеха, русской армии необходимо «уступать в крепкие места, а наипаче обозами стать на той или на другой стороне Днепра в окопах, и с турком бою отнюдь давать не велеть аж до ноября месяца потому, что народ и кони их нужны, а как на них придет осенняя стужа, грязь и груды, ненастье, тогда у них все лошади пропадать учнут, а и сами изнужатца нуждами непогоды осенней, тогда б с ними время дать битвенное поле» [22, л. 419 об.].

Поступление таких сведений в Москву связано прежде всего с тем, что начиная с лета 1674 г. стали вестись активные переговоры между Речью Посполитой и Россией о совместном выступлении против Порты [1, с. 118–119]. Они не привели к конкретным результатам, однако в распоряжении московского правительства оказались рекомендации польской стороны относительно военных действий против Порты. Как видно, информация о способах ведения войны против османов попадала не только от близких к Яну Собескому людей, но и от враждебных польской короне литовских магнатов, что свидетельствовало о достоверности приводимой информации. Суть стратегических рекомендаций можно свести к следующему: необходимо задерживать турок на укрепленных позициях до ноября месяца, ослабляя их боеспособность, и только потом давать сражение.

Первые предупреждения о готовящемся турецком вторжении в Москву получили сразу после заключе-

ния Журавенского мира от польского короля Яна Собеского, аналогичные сведения предоставил и гетман И. Самойлович [10, с. 135; 23, № 213, стб. 813–814]. Нависшая угроза над Чигирином и Киевом вынудила московское правительство предпринять целый комплекс мер, направленный на подготовку к отражению османской угрозы. Не последнее место при этом занимала разработка стратегического плана военных действий.

О том, какой способ ведения войны будет наиболее эффективным в борьбе с османским оружием, высказал весной 1677 г. гетман Иван Самойлович. Стоит учитывать, что И. Самойлович не был сторонником совместного российско-польского выступления против турок и с осторожностью относился к предоставляемой поляками информации, в частности о борьбе с османской агрессией.

2 марта 1677 г. к гетману прибыл стольник С. Алмазов, которому поручалось выяснить точку зрения малороссийского гетмана, касающуюся возможного турецкого вторжения и обороны Чигирина. Подробно свое мнение, а также войскового старшины гетман изложил в инструкции к судье И. Домонтову, написанной 6 марта 1677 г. для доклада московскому государю [13, № 11, стб. 37–47]. Данная записка интересна прежде всего тем, что предложенный стратегический план военных действий лег в основу мероприятий, проводимых московским правительством по отражению турецкой агрессии.

Общую стратегию боевых действий И. Самойлович, как и ранее польское правительство, видел в изматывании противника вследствие затягивания военных действий, при этом акцент делался на успешную оборону Чигирина. На казацкую крепость падала основная задача у своих стен «неприятеля во все лето задержать», действия русско-украинской армии предполагались только осенью: «хотя к Днепру на осень, для постраха ему, а своим, в осаде будучим, для выручки приблизить; а в осень, когда неприятельские силы надотрутца и изнужився назад к своим рубежам пустым местом уходит похотят, потому что на пустыни зимовать ему не мошно, тогда бы возможно за Днепр с свежим войском переправясь, <...> его бить» [13, № 11, стб. 41]. Как видно из данной инструкции, перед русскими и гетманскими войсками не ставилась задача разбить османскую армию в открытом сражении, речь шла о сковывании основных турецких сил гарнизоном крепости в течение длительного времени в расчете на то, что с наступлением осени османская армия вынуждена будет покинуть малолюдные и холодные малороссийские степи. Отступающий враг при этом становился очень уязвим для ударов подошедших из-за Днепра свежих русско-украинских сил.

Для успешной реализации данного плана необходимо, по мысли гетмана, в первую очередь, увели-

чить гарнизон Чигирина: к 2000 московских ратных людей, «которые ныне по указу государскому обретаются» в Чигирине, необходимо прибавить еще 1000 человек с хлебными и воинскими запасами. Со своей стороны он сообщает, что собирается направить в крепость 3000 казаков со всеми запасами [13, № 11, стб. 40]. Также в Чигирин из Москвы следует послать инженера, «которой бы, к крепости применяясь, неприятельские подкопы перенимал» [13, № 11, стб. 43]. Имея в виду желание турок привлечь население Украины на свою сторону, гетман предусмотрительно советует московскому государю заручиться поддержкой казаков Нижнего города. Для этого, как он писал, московскому правительству необходимо прислать «тысячь с 50 литовского счоту» для дачи жалованья казакам, чтобы «неприятель, пришед под Чигирин, не улучил бы в замыслах своих утешения», а также жалованные грамоты [2, № 11, стб. 41]. Самойлович считал, что в походе против турецкой армии обязательно должны принимать участие калмыки и башкиры, которые своими набегами могли нанести значительный урон отступающему противнику [13, № 11, стб. 41–42].

Подчеркивал гетман и необходимость присутствия московских войск из-за «шатости» украинских казаков, которые «отчаяли бы надежды о целости своей, и одне в Запороги, а иные к полякам уходили из Украины, а иные к туркам и в иные в какие государства посторонние шли б» [13, № 11, стб. 39].

В Москве план И. Самойловича был представлен 19 марта [13, № 19, стб. 80]. В своем ответе от 29 марта Боярская дума в целом согласилась с его общими положениями, уточнив при этом некоторые моменты. Так, Самойловичу указывалось отправить в Чигирин не 3 тысячи казаков, а 4 тысячи со всеми запасами. На нужды казацких полков было отправлено 5 тысяч «литовского счота», одновременно в Путивль был послан царский указ об изготовлении медных чехов [13, № 19, стб. 86]. Царские грамоты были посланы только к калмыцким тайшам, чтобы они «с улусными своими людьми в тот воинской промысл шли». Башкиры к участию в походе привлечены не были ввиду того, что им «в том воинском промыслу, для ссор их с калмыки, быть не мочно» [13, № 11, стб. 82–87]. Кроме того, московское правительство волновал казацкий гарнизон Чигирина. Так, И. Самойловичу следовало отобрать для отправки в город «своих добрых, знатных и надежных и домовых людей», которые «во время неприятельского наступления были б надежны, и город Чигирин могли держать в обороне» [13, № 46, стб. 190].

Представляется, что данный план был основан на достаточно точной оценке сложившейся ситуации. В Москве и в Батурине понимали, что османская армия – серьезная сила, и исход полевого сражения с ней неизвестен. В то же время быстро взять хорошо

подготовленный к осаде Чигирин не удастся, а «зимовать на пустыне ему не мочно». По мнению П. В. Седова, такой способ войны «проистекал из реальных возможностей войск» [9, с. 289]. Однако, очевидно, дело было не только в этом.

Нужно иметь в виду, что со стороны Османской империи в походе 1677 г. принимали участие войска, которые в успешной военной кампании против Речи Посполитой в 1676 г. заняли 70 городов, которые «имали <...> без затруднения» [13, № 89, стб. 369]. Этой армии оказалось достаточно, чтобы принудить Я. Собеского к выгодному для Порты миру. Командовал армией, как и в кампании 1676 г., опытный военачальник Ибрагим-паша, прозванный «Шайтаном».

Кроме того, мобилизация ратных людей оставалась в городах Белгородского и Севского разрядов незначительное количество войск, которое в случае разгрома русской армии османским войском было бы неспособно защищать не только малороссийскую территорию, но и границы Российского государства. Так, в Курске были «оставлены для караулов и береженья» только 33 человека, в других городах эта цифра также насчитывала несколько десятков человек [24, л. 344, 375], в целом «в городех в Курску и в Белегороде оставлены для береженья от приходу воинских людей всяких чинов ратных людей 680 человек» [24, л. 56].

Из этого следует, что участие русских войск в активных боевых действиях против османов с неизвестным исходом могло обернуться катастрофическими последствиями. Четырьмя годами ранее, в 1673 г., крымская орда Селим-Гирея прорывала укрепления Белгородской черты, разрушив участок земляного вала восточнее Нового Оскола [25, с. 81]. В данном же случае речь могла уже идти о совместном выступлении крупных сил турецко-татарских войск непосредственно на российские города. Как отмечает В. П. Загорский, угроза прорыва из-за «проломного места» крупных сил врага стала весьма реальной [25, с. 91].

В этих условиях, как представляется, оставить главные силы в тылу было оправданным решением и, по всей видимости, именно в этом следует искать объяснения того, что русское командование стремилось по возможности избежать наступательной войны с турками.

Претерпел ли данный стратегический план изменения во время кампании 1677 г.?

16 июня 1677 г. османская армия во главе с Ибрагим-пашой форсировала Дунай и спустя две недели двинулась в сторону Чигирина [26, р. 186]. Османы не предполагали встретить на правобережье Днепра русские войска и рассчитывали на относительно легкую победу [27]. Первые турецкие разъезды появились под Чигирином 30 июля, основные

силы без крымского хана подошли к крепости 3 и 4 августа и «стали табарами на крымской стороне за рекою Тясмою <...> около всего Чигирина, болшого и малого городов, меж вод, шатрами, от городской стены в полуверсте» [19, л. 354]. Крепость не была изолирована от внешнего мира – гарнизон Чигирина совершал регулярные вылазки², а также имел непрерывное сообщение с Г. Г. Ромодановским и И. Самойловичем. По словам казаков, «осада, де, у Чигирина не круг всего города, толко, де, с крымской стороны. А за Тясмою от Черкас осадных людей около Чигирина нет, толко, де, проезжают загонные люди, и проезду и проходу не дают» [13, № 77, стб. 282].

Русские войска начали двигаться к Днепру в середине июля. Так, 16 июля Г. Г. Ромодановский писал царю, что «ратных людей передовые полки отпустили июля в 15-м числе, а сами с <...> ратными с конными и пешими людьми, которые <...> в зборе пойдем июля в 18-й день и з гетманом с Иваном Самойловичем будем сходитца за Сумами верх реки Сулы» [28, л. 206]. Г. Г. Ромодановский с белгородским и севским полками двинулись из Курска к Судже 20 июля [28, л. 207]. Гетман со своими войсками вышел из Батурина 1 августа [7, с. 161]. Войска Г. Г. Ромодановского и И. Самойловича соединились 10 августа «меж Псла и Хорол в урочищах на речке Артополоте» почти в 200 верстах от Днепра [28, л. 229]. Таким образом, к началу осады Чигирина русские и украинские войска были далеко от Днепра.

В то же время из Москвы 13 августа со стольником А. Карандеевым была послана царская грамота к воеводе и гетману в связи с появлением турок под Чигирином [13, № 69, стб. 259–262]. В Москве не имели еще сведений о том, достигли ли места своего назначения русские и украинские войска. Карандееву поручалось «выговаривать» боярину и гетману за медлительность в походе. Исходя из ее содержания, гетману следовало напомнить, что он «обещал государю приходом своим не токмо к Днепру, но и к самому Чигирину помочи подавать и от неприятеля их оборонять, а ныне великому князю известно подлинно, что они августа 8-го были около Ромна, а Ромны не только от Чигирина, но и от Бужина в дальних местах, и им следовало поспешать, чтоб обнадежить чигиринских сидельцев». Г. Г. Ромодановскому также предписывалось «с полки поспешать, и неприятеля упреждать, и в Чигирине будучих ратных людей приходом своим обнадежить и неприятелю в даль простиратца не дать» [13, № 69, стб. 260]. После того как Русская армия подойдет к Днепру и «устроитца ратным ополчением», воеводе было предписано «подлинно» разведать численность османской армии и, исходя из этого, «о крепости и о всяком безопасте от неприятельских замыслов чинить по своему ж раз-

смотренью». Если переправа на правый берег Днепра окажется возможной, то указано было «Чигирину и в нем великого государя ратным людем всякими мерами помогать, смотря по настоящему делу и по своему рассмотренью, <...> чтоб, <...> ратных людей полков своих вам убереж, а Чигирина и в нем <...> ратных людей безнадежных не оставить, и неприятелю не выдать, и тем неприятеля не порадовать» [13, № 69, стб. 260–261].

Опасения русского правительства понятны – невозможность оперативно получать информацию о текущем положении дел заставляла Москву торопить воевод; в то же время получаемые из столицы инструкции по-прежнему основывались на ранее разработанном плане.

Но само русско-украинское командование, действительно, не спеша продвигалось к Днепру – 24 августа гетман И. Самойлович с казацким войском подошли к Бужинскому перевозу, 25 августа к ним присоединилась армия Г. Г. Ромодановского [13, № 79, стб. 291]. При этом нужно учитывать, что в своем распоряжении воевода и гетман имели постоянные сведения из осажденной крепости, в частности, об успешных вылазках [13, № 73, стб. 273, 274; 28, л. 230–231]. Кроме того, князь Г. Г. Ромодановский пытался выяснить реальные силы подошедшей к Чигирину османской армии, для чего были посланы разведывательные отряды³. Также к середине августа стала появляться информация от пленных турок, что и в случае взятия, и в случае отступления от Чигирина турецкое войско пойдет за Дунай, «а зимовать некоторыми делы нигде, не переправясь за Дунай, не будут» [13, № 78, стб. 288].

³ 15 августа было опрошено двое пойманных турок, которые сообщили, что с Ибрагимом-пашой в армии находятся 15 пашей, «а с теми, де, со всеми пашами турков конных сорок тысяч, да пехоты янычен дватцат тысяч, да с мулянским и волоским господари мулян двенатцат, волох шест, всего осматцати тысячи. Да белгородская орда вся с мурзами. <...> Да с Юраском Хмельницким кумпанья ево двести человек. И пришед, де, к Чигирину турки учинили шанцы у старого валу от города в пятнатцати саженьях и по вся ночи к Верхнему городу шанцами подходят ближе. А пушек с ними болших четыре под ними по сороку лошадей ядром в полтора пуда, середних четыре ж пушки под ними по дватцати лошадей ядром в тридцат в шести гривенак, да малых дватцат пушак под ними по четыря лошади, да семь пушак верховых гранатных» [28, л. 235–237]. Приведенные пленными сведения по численному составу османской армии фиксировали общий мобилизационный потенциал Порты, в действительности в кампании 1677 г. численность собственно турецкой армии была в два раза меньше. Однако из данных свидетельств следовало, что, по представлениям русского командования, турецкая армия была многочисленной и, следовательно, превышала, по представлению командования, русско-украинское войско, насчитывающее на 26 июля 1677 г. «с черкасами в полку» 42 296 человек [9, с. 290; 29, л. 562–574] в два раза.

² Подробнее об обороне Чигирина в 1677 г. см. [8].

Серия столкновений 25–28 августа так и не привела к генеральному сражению. Противостояние свелось к серии атак на позиции друг друга, захвату языков. Наиболее крупные столкновения пришлось на вечер 28 августа, когда русско-украинская армия отбросила турецко-татарские отряды на 5 километров от Днепра, при этом в боях погибли несколько вражеских военачальников⁴. Бои 28 августа завершили осаду Чигирина. В полночь в обоз к Г. Г. Ромодановскому вернулся Г. Косагов с известием о том, что «турки и орда <...> побежали все» [13, № 80, стб. 302]. Турецкие источники сообщают, что в ночь с 28 на 29 августа собрался военный совет османского войска, на котором крымский хан Селим-Гирей предложил отступить, не дожидаясь полного разгрома от русско-украинской армии. На военном совете предложение хана было признано благоразумным, и 29 августа османская армия начала отступление [30, с. 590]. Имея в тылу силы свежего противника, османы бросили обоз и значительную часть припасов.

В историографии утвердилось мнение, что после того, как турки отступили от Чигирина, преследование неприятеля русским командованием было организовано плохо [6, с. 48, 50; 10, с. 141]. Однако, как следует из записки Ромодановского царю от 4 сентября, 30 августа белгородский воевода послал разведывательный отряд «...выбрав донских, да сумского и ахтырского полков казаков сто дватцат человек, а гетман <...> полков комонного охотного полковника Игната Шулгу, да с ним казаков сто человек» [28, л. 234а]. 2 сентября им были отправлены московские ратные люди и казаки «из розных полков четыреста человек за Чигирин в дальние места для проведыванья о неприятельских людех, которые они месты пойдут для промыслу у переправ над ними» [28, л. 242]. Из расспросных речей жильца И. Иевлева следует, что «первые посыльные люди ношли неприятелей за Ингулом Малым, меж Большого Ингула, и над неприятели учинили промысл, обозы и конские стада и пушечные припасы отбили. И устрася от того, пошли неприятели от них дале к Богу реке, а те первые посыльные люди с добычею возвратилися в полки к боярину и воеводам <...> в добром здравье» [13, № 82, стб. 311]. Эти же ратные люди по возвращении в обоз также сказали, что «наехали, де, <...> от Чи-

гирина в сороке верстах неприятельских людей турков и волохов и сербов с обозы с триста человек. И те, де, неприятельские люди билис с ними из обозу многое время, а после, де, бою волохом и сербом, по их прошению, они посыльные ратные люди дали свое обещание, да с болшею клятвою, что их отпустят в целости, а турки, де, отделяс своим обозом билис с ними часа с три <...> и <...> ратные люди у тех турков обоз их разбили и их всех побили на голову, а волохов и сербов по своему обещанию отпустили» [28, л. 242–243а]. Из приведенных свидетельств можно заключить, что часть войск отбилась от основной армии, разбившись на небольшие отряды и не пожелав расстаться со своими обозами. Весьма красноречиво и известие о резко различном поведении турок и их христианских союзников.

Вслед за первыми «посыльными людьми» 5 сентября были посланы войсковые части «столника копейного и рейтарского строю полковника Григорья Косагова с ево копейным, да с рейтарским полками, да черкасские два полка сумского и ахтырского, а <...> генерал и сходной воевода Венедикт Андреевич Змеев рейтарского строю полковника Илью Змеева ево полку с рейтары и з драгуны, да гетман <...> послал компании своей полковников Илью Новицкого, да Ивана Павловского, да переяславского полковника Ивана Лысенка, да миргородского полковника Павла Апостола» [28, л. 243а–244]. Общая численность отправленных за турками воинов составляла около 4 тысяч человек, причем это была боеспособная, хорошо вооруженная часть войск – большая часть русских отрядов принадлежала к полкам «нового строя». Со слов И. Иевлева, Г. Косагов с полками ходил «за Черной Лес к Большому Ингулу» приблизительно в 70 километрах от Чигирина, однако османскую армию не догнал [13, № 82, стб. 311]. Для проведывания вестей он «посылал от себя посыльщиков в дальние места; и те посыльщики неприятельские всякие запасы и пушечные припасы побирали; а неприятели, устрася великого государя ратных людей, бежав, и всякие свои запасы и пушечные припасы и чеши, <...> по дороге метали» [13, № 82, стб. 311–312].

Отсюда следует, что Г. Г. Ромодановский и гетман И. Самойлович все-таки стремились реализовать свой план боевых действий и максимально истощить силы неприятеля при отступлении. Однако уже в первых числах сентября в обоз под Чигирин вернулись казаки во главе с И. Шулгой, которые сообщили, что «ходили, де, они до реки Богу и неприятельских людей никого не угнали, бегут днем и ночью и многие обозы з запасы и пушечные ядра и гранаты бросили и ушли к Днестру за многие переправы в дальние места» [28, л. 244]. Возможности нагнать османов становились призрачными, и Г. Г. Ромодановский приказал свернуть преследование.

⁴ Из отписки Г. Г. Ромодановского от 29 августа: «на тех же <...> неприятельских людей августа в 28-м числе послали мы, холопы твои, за Днепр же столника копейного и рейтарского строю полковника Григорья Косагова с копейщиками и с рейтары, а гетман Иван Самойлович послал компанейского полковника Илью Новицкого компаний ево с казаками и у тех, у всех твоих ратных людей, которые за Днепр переправились с неприятельскими людьми бои были большие <...> и милостию Божьею <...> на тех боях твои великого государя ратные люди многих неприятельских людей побили и гоняли от Днепра на пяти верстах» [28, л. 239а–240].

Таким образом, есть основания полагать, что русское командование еще в начале 1677 г. сумело верно определить направление османского вторжения и его основную цель. Был разработан план кампании, в соответствии с которым сильно укрепленный и снабженный значительным гарнизоном Чигирин должен был сковать действия армии Ибрагима-паши до конца лета. Активные действия русской полевой армии должны были начаться после того, как положение османов, не готовых вести войну на Украине осенью, и тем более зимой, станет критическим.

Анализ хода военных действий в 1677 г. показывает, что план был в значительной степени воплощен в жизнь. Таким образом, успех кампании 1677 г. был обусловлен не только стойкостью чигиринского гарнизона и отсутствием поддержки местного населения у османов, но и тем, что русское командование стратегически переиграло османское.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Флоря Б. Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) / Б. Н. Флоря // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. – Ч. 2. – М., 2001. – С. 108–148.
2. *Kurat A. N.* Rusya Tarihi : Başlangıçtan 1917'ye kadar. 2-ci baskı / A. N. Kurat. – Ankara, 1987.
3. *Kolodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699 / D. Kolodziejczyk. – Warszawa, 1994.
4. *Водарский Я. Е.* Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676–1681 гг. / Я. Е. Водарский // Очерки истории СССР. – М., 1955. – Т. 6. – С. 518–531.
5. *Заруба В. М.* Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII ст. / В. М. Заруба. – Дніпропетровськ, 2003.
6. *Косиненко Н. И.* Первая русско-турецкая семилетняя война. Чигиринские походы 1677 и 1678 гг. / Н. И. Косиненко. – СПб., 1911.
7. *Попов А. Н.* Турецкая война в царствование Феодора Алексеевича / А. Н. Попов // Русский вестник. – М., 1857. – № 3.
8. *Седов П. В.* Оборона Чигирина в 1677 г. / П. В. Седов // Российское государство в XIV–XVII вв. : сб. ст., посвящ. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеява. – СПб., 2002. – С. 484–508.
9. *Седов П. В.* Закат Московского царства / П. В. Седов. – СПб., 2008.
10. *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. / Н. А. Смирнов. – М., 1946. – Т. 2.
11. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – Кн. VII. Т. 13–14. – М., 1991.
12. *Uzunçarsili I. H.* Osmanli tarihi. Cilt. IV / I. H. Uzunçarsili. – Ankara, 1956. – S. 378–380.
13. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 13. 1677–1678. – СПб., 1884.
14. *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. / С. Величко. – К., 1851. – Т. II.
15. *Гордон П.* Дневник 1677–1678 / П. Гордон. – М., 2005.
16. Летопись Григория Грабянки. – К., 1854.
17. Літопис Самовидца. – К., 1971.
18. *Źródła do poselstwa Jana Gnińskiego wojewody chelmińskiego do Turcyi w latach 1677–1678 /* Wyd. F. Pulaski. – Warszawa, 1907.
19. РГАДА. – Ф. 210. Разрядный приказ. – Оп. 13. – Д. 847.
20. *Orłowski D.* Chocim 1673 / D. Orłowski. – Warszawa, 2007.
21. *Wójcik Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji: 1674–1679 / Z. Wójcik. – Wrocław, 1976.
22. РГАДА. – Ф. 79. Сношение России с Польшей. – Кн. 160.
23. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 12. 1675–1676. – СПб., 1882.
24. РГАДА. – Ф. 210. Разрядный приказ. – Оп. 13. – Д. 848.
25. *Загоровский В. П.* Изюмская черта / В. П. Загоровский. – М., 1980.
26. *De la Croix F.* Guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie et la Hongrie / F. De la Croix. – Paris, 1689.
27. *Яфарова М. Р.* Турецкие планы в первом Чигиринском походе 1677 г. / М. Р. Яфарова // Русь, Россия : Средневековье и Новое время. – Вып. 3 : Третьи чтения памяти академика Л. В. Милова : материалы Междунар. науч. конф. Москва, 21–23 ноября 2013 г. – М., 2013. – С. 310–315.
28. РГАДА. – Ф. 210. Разрядный приказ. – Оп. 13. – Д. 872.
29. РГАДА. – Ф. 210. Разрядный приказ. – Оп. 19. – Д. 310.
30. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. / В. Д. Смирнов. – СПб., 1887.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Яфарова М. Р., аспирант кафедры истории России до начала XIX в.

E-mail: mryaf@bk.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Yafarova M. R., Post-graduate Student of the Early and Modern Russian History Department

E-mail: mryaf@bk.ru